

Г. В. Папакин

РЕЖИМ «ЧЕРНОЙ ДОСКИ» В СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЯХ 1932–1933 гг. ПРОТИВ НАЦИЙ И НАРОДНОСТЕЙ В РЕГИОНАХ ТОВАРНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ СССР

Период голодомора 1932–1933 гг. как в Украине, так и в других регионах СССР, характеризовался широким применением разнообразных форм и видов репрессий против крестьянства, низовой партийно-советской номенклатуры, вообще всех, кто был или мог быть опасным для авторитарного режима, который создавал И. Сталин.

Свое место среди таких репрессий занял режим «черной доски», по директиве ЦК ВКП(б) установленный во многих районах СССР (Украина, Кубань, Поволжье, Дальний Восток, Казахстан, Беларусь). Целью его было «подхлестывание» (выражение Сталина) выполнения хлебозаготовительных планов, а основное задание – коллективное наказание специально определенных объектов (отдельных коллективов, групп лиц, колхозов, сельсоветов, целых районов), а в широком контексте – наций и народностей, больших этносоциальных групп. Речь шла о сельском населении (практически без выделения отдельных национальных групп) УССР, этнических украинцев и казачества Кубани, немцев Поволжья, казаков Нижне-Волжского края, казахов и украинских переселенцев Казахстана.

Термин «черная доска» не был изобретением большевиков. Об его употреблении в XIX – начале XX в. свидетельствуют литературные произведения, мемуары. Но тогда «черная доска» служила способом морального осуждения тех, кто нарушал дисциплину, не исполнял свои обязанности. Трагическое значение имели только «черные знамена», используемые для обозначения деревень и местечек, где вводился карантинный режим, где были эпицентры смертельных эпидемий (оспа, чума, холера).

Большевики, захватив власть над шестой частью земного шара, вложили в этот термин другое значение. «Черная доска» как идеологический институт советской власти прошел долгий путь от зарождения в годы революции и Гражданской войны 1917–1921 гг. фактически до последнего вздоха СССР. Выделялись лучшие лица,

коллективы, партячейки, предприятия, учреждения, которые помещались на «красной доске». Вокруг них создавалась положительное общественное мнение. Такие коллективы награждали почетными знаками отличия, получали моральное или материальное вознаграждение.

Тех, кто «плохо работал», то есть нарушал казарменную дисциплину, «саботировал», не выполняя доведенных планов и норм выработки, наоборот, заносили на позорную «черную доску». Вокруг них создавали отрицательное общественное мнение. Применялись также моральные, административные и материальные карательные санкции, которые временами превращались в театрализованные представления.

В периоды «обострения классово-борьбы» «черные доски», кроме этих постоянных признаков, постепенно приобрели исключительно репрессивное значение. Есть свидетельства об их применении во время продразверстки 1919–1920 гг. Украинские села, жители которых не соглашались отдавать продотрядам свой хлеб задаром, провозглашались «чернознаменными». Там вводилась система коллективной ответственности: за неисполнение указаний правящей компартии расстреливали заложников, выселяли обитателей, конфисковывали их движимое и недвижимое имущество. Наибольшего распространения «черные доски» как административно-репрессивный режим давления на сельское население достигло в конце 1920-х гг., в ходе хлебозаготовительных кампаний и коллективизации. Пик этого процесса пришелся именно на 1932–1933 гг. Его основные отличия от всех других методов борьбы с крестьянством заключались в комплексности (применялся одновременно целый ряд репрессивных мер) и направленности на создание непереносимых условий жизни для жителей конкретных населенных пунктов или административных единиц.

До сих пор в историографии отсутствует согласованное мнение о конкретной дате и обстоятельствах официального применения режима «черной доски» во время голодомора 1932–1933 гг. в СССР. Большинство исследователей называют дату 1 ноября 1932 г. – когда в дневник уполномоченного ЦК ВКП(б) на Кубани Л. Кагановича было занесено его предложение поместить на «черной доске» 3–5 казачьих станиц¹. Но есть определенные свидетельства того, что в Украине такие репрессии, как и сам термин в контексте антикрестьянских мер, применялся еще в начале 1932 г., и даже в 1930 г. Такая информация

¹ Командири великого голоду: Поїздка В. Молотова та Л. Кагановича в Україну та на Північний Кавказ. 1932–1933 рр. / за ред. В. Васильєва та Ю. Шаповала. Київ: Генеза, 2001. С. 254.

зафиксирована в сводном реестре занесенных на «черную доску» населенных пунктов и колхозов Украины, составленном в Украинском институте национальной памяти на основании данных, представленных региональными архивами.

15 января 1932 г. на «черную доску» попал колхоз им. Фрунзе Дмитриевского сельсовета Знаменского района Одесской области². 1 марта, апрелем, июнем и сентябрем 1932 г. датированы сведения о занесении на «черную доску» восьми сельхозартелей и районных организаций Беловодского района Донецкой области³. С началом июня режим «черной доски» был установлен в Лушницком, Пироговском, Тимоновском сельсоветах Шосткинского района Черниговской области⁴. Сводный реестр УИИП свидетельствует, что такие репрессивные акции летом 1932 г. приобрели массовый характер, а в октябре–ноябре – стали практически повсеместными. 18 ноября 1932 г. было принято постановление ЦК КП(б)У «О мерах по усилению хлебозаготовок»⁵, через два дня – постановление СНК УССР «О борьбе с кулацким влиянием в колхозах» от 20 ноября 1932 г. и инструкция к нему. Последняя предусматривала объявление занесенными на «черную доску» колхозов, которые злостно «саботируют сдачу (продажу) хлеба по государственному плану». В этой части оба документа (партийный и правительственный) были полностью идентичны, с той лишь разницей, что партийный был написан по-русски, а правительственный существовал в двух языковых редакциях, в том числе украинской⁶. 6 декабря была сформирована всеукраинская «черная доска», куда попали шесть сел Днепропетровской, Одесской и Харьковской областей – основных хлебобродных регионов Украины⁷. Через два дня генеральный секретарь ЦК КП(б)У С. Косиор проинформировал Кремль о занесении на «черную доску» разных уровней (областные, районные) до 400 колхозов всех 8 тогдашних областей Украины⁸. За данными сводного реестра УИИП, всего в 1932–1934 гг. такие репрессии применялись в отношении более 1200 объектов (артелей, колхозов, коммун, МТС, сел, сельсоветов, районов, а также

² См.: Госархив Кировоградской области. Ф. П–68. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.

³ См.: Червоний колгоспник (Ворошиловград). 1932. 1 марта, 14 мая, 29 июня, 30 сентября.

⁴ См.: Зоря (Шостка). 1932. 9 июня.

⁵ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 237. Л. 207–216. Оpubл.: Голодомор 1932–1933 років в Україні: док. і мат-ли / упоряд. Р. Я. Пиріг. Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2007. С. 392–393.

⁶ ЦГАВО Украины. Ф. 806. Оп. 1. Д. 22. Л. 532.

⁷ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 6. Д. 238. Л. 53–54.

⁸ Там же. Оп. 20. Д. 5460. Л. 69–80. Оpubл.: Голодомор 1932–1933 років в Україні. С. 458.

предприятий, бригад и отдельных лиц). Можно даже утверждать, что на «черной доске» оказалась вся Украина, поскольку повсеместно использовались репрессивные меры коллективного наказания всего украинского крестьянства, в том числе не этнических украинцев. В Киевской области 11 сентября 1933 г. на «черную доску» занесли Комаровский сельсовет национального немецкого Жулинского района. В Одесской области 5 декабря 1932 г. – колхоз «Труд» национального немецкого Карл-Либкнехтовского района; 25 – немецкую артель «Естер май» Бериславского района; 15 октября 1933 г. – с. Пустолье национального болгарского Благоевского района. «Черные доски» стали обычным явлением в других национальных немецких, русских, еврейских, болгарских селах Днепропетровской области. Аналогичная картина была характерной для национальных русских и греческих районов Харьковской, Черниговской областей. Кремлевские эмиссары Л. Каганович, В. Молотов, П. Постышев, которые собрались в декабре 1932 г. в Украине, внимательно следили за тем, чтобы среди репрессированных «черной доской» объектов были не просто отстающие, а политически весомые, значительные по масштабам населения и сборам хлеба, а главное, – «антисоветские» хозяйства и административные единицы. Так, Постышев отмечал необходимость репрессий в колхозе «Коминтерн» Апостоловского района Днепропетровской области как состоявший преимущественно из «столыпинских» хозяйств⁹; Каганович указывал, что в Домановском районе Одесской области «на черную доску выбраны неудачно маленькие колхозы в 18 и 26 дворов»¹⁰. Село Мазуровка Хмельницкого района Винницкой области попало на «черную доску» как родина «петлюровского атамана Хмары»¹¹, а жители с. Лютењка на Полтавщине, занесенного на Всеукраинскую «черную доску», играли активную роль в крестьянском восстании 1920–1921 гг.

Хронологически первым официальным актом о применении режима «черной доски» стало постановление Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О ходе хлебозаготовок и сева по районам Кубани» от 4 ноября 1932 г.¹² Общеизвестно, что этот документ был иницииро-

⁹ Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 85. Л. 129–143. Оpubл.: Голод в СССР. 1929–1934: в 3 т. Т. 2 / отв. сост. В. Кондрашин. М.: МФД, 2011. С. 330–331.

¹⁰ Командири великого голоду. С. 327.

¹¹ ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 5394. Л. 1.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3377. Л. 84. Оpubл.: Трагедия советской деревни. 1927–1939: Док. и материалы: в 5 т. Т. 3: Конец 1930–1933 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2001. С. 392.

ван директивой ЦК ВКП(б) и отредактирован лично И. Сталиным¹³. Генсек не правил тот пункт постановления, которым объявлялись «черные доски» на Кубани, но вполне очевидно, что дал согласие на использование такого драконовского метода покорения кубанского казачества. Упомянутый акт содержал перечень репрессивных мер против местного населения:

«а) немедленное прекращение подвоза товаров и полное прекращение кооперативной и государственной торговли на месте и вывоз из кооперативных лавок всех наличных товаров;

б) полное запрещение колхозной торговли как для колхозов, колхозников, так и единоличников;

в) прекращение всякого рода кредитования и досрочное взыскание кредитов и других финансовых обязательств;

г) проверку и очистку органами РКИ в колхозных, кооперативных и государственных аппаратах от всякого рода чуждых и враждебных элементов;

д) изъятие органами ОГПУ контрреволюционных элементов, организаторов саботажа хлебозаготовок и сева»¹⁴.

Утвержденный постановлением украинского СНК аналогичный перечень текстуально совпадает с ним практически на 90 %. В нем просто объединили два последних пункта «кубанского» акта, убрали конкретизацию исполнителей, а взамен добавили пункт о полномочиях по применению репрессий.

Первые объекты кубанской «черной доски» были назначены достаточно репрезентативно. «Новорождественская была бывшим крестьянским селением, переведенным в 1848 г. в составе Тихорецкой волости из Ставропольской губернии в Кавказское линейное казачье войско; Медведовская – из первых черноморских станиц, основана в 1793 г.; Темиргоевская – закубанская линейная станица, поселена в 1855 г.»¹⁵ Кроме того, Медведовская была самой большой станицей Тимашевского района¹⁶. «Антиказацкую» направленность кубанской

¹³ Івницький Н. Голод 1932–1933: хто винуват? (по документам «Кремлевсько-го архіва») // Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція, Київ, 9–10 вересня 1933 р. Матеріали. Київ, 1995. С. 40–41; Его же. Голод 1932–1933: хто винуват? // Голод 1932–1933 років: Сб. статей / отв. ред. Ю. Н. Афанасьев. М.: Російський гос. гуманіт. ун-т, 1995. С. 49, 52.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3377. Л. 84. Оpubл.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 392.

¹⁵ Бондар И. Ю. Архивные документы о голоде на Кубани 1932–1933 гг. // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг. Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2009. С. 97.

¹⁶ ЦДНИКК. Ф. 162. Оп. 1. Д. 101. Л. 54.

«черной доски» отмечали практически все исследователи¹⁷. Но в целом из 15 кубанских станиц, полностью включенных в позорный список, 11 были заселены преимущественно этническими украинцами.

«Кубанское» постановление дало старт организации таких репрессий в других регионах СССР, поскольку фактически приобрело статус официального документа ЦК ВКП(б). 8 ноября 1932 г. всем крайкомам и обкомам компартии была разослана директива за подписями И. Сталина и В. Молотова. В ней требовался «действительный перелом в хлебосдаче». В противном случае Кремль грозил репрессиями, аналогичными использованным на Северном Кавказе. В качестве приложения к телеграмме был направлен текст постановления Северо-Кавказского крайкома от 4 ноября. К сожалению, ни в одном российском документальном сборнике, несмотря на исключительное значение этой телеграммы, она не опубликована.

10 ноября 1932 г. датировано постановление Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) «О ходе хлебозаготовок», где приведен список наиболее отставших в хлебосдаче районов: Клетский, Малосердобинский, Нехаевский, Нижнечирский, Самойловский (еще без употребления термина «черная доска»). Набор репрессивных мер был таким: прекращение завоза товаров в кооперативные и государственные магазины, «чистка» колхозных, кооперативных и государственных аппаратов. Досрочное погашение кредитов и всех финансовых обязательств было применено только к казачьему Нижнечирскому району, причем это не распространялось на колхозы, выполнившие план хлебосдачи. Большая группа районов (Алексеевский, Аркадакский, Аткарский, Балашовский, Вязовский, Екатериновский, Иловлинский, Котельниковский, Лысогорский, Новониколаевский, Ольховский, Преображенский, Урюпинский, Усть-Медведицкий, Тамалинский, Татищевский, Турковский) предупреждалась о возможности применения санкций. Единоличникам угрожали, что в случае отказа от засева или вспашки зяби у них отберут приусадебные участки. В отличие от «кубанского» и «украинского» постановлений определенная роль в организации хлебозаготовок отводилась агитационно-массовой работе¹⁸.

12 декабря 1932 г. было принято специальное постановление Нижне-Волжского крайисполкома и крайкома ВКП(б), в котором 19 сельсоветов 7 районов были объявлены занесенными на «черную доску». Это были Верхне-Донщинский, Липовецкий, Овченяковский

¹⁷ См., напр.: Скорик А. П. Депортация населения «чернодосочных» станиц как антиказачья акция: причины и последствия // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 г.: Материалы научно-практической конференции. С. 61.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3768. Л. 105–106. Опубл.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 531–533.

сельсоветы Клетского района; Антоно-Шестаковский, Ивагаевский – Котельниковского; И. Нозимкенский, Сапоговский – Малосердобинского; Нехаевский, Упорниковский, Хорошенский – Нехаевского; Верхне-Гнутовский, Сизовский, Соколовский – Нижнечирского, Красавский, Полоцкий, Толтавский – Самойловского; Котовский, Краснянский, Петровский – Урюпинского. Таким образом, были выбраны по два–три сельсовета «семи особо отстающих районов по хлебозаготовкам», куда направили усиленные группы ГПУ¹⁹. К этим сельсоветам применили такие санкции: «а) прекращение завоза товаров и вывоз из государственных, кооперативных лавок имеющихся товаров; б) досрочное взыскание кредитов и всех платежей с колхозов и единоличников; в) запретить торговлю колхозам, колхозникам и единоличникам; г) прекратить помол на государственных мельницах зерна колхозов, колхозников и единоличников». Судебные органы обязывались «немедленно выявить и привлечь к строжайшей судебной ответственности организаторов, руководителей и вдохновителей кулацкого саботажа вышеназванных сел»²⁰.

За краевой «черной доской» появились районные. Но сталинский эмиссар П. Постышев счел это «перегибами» и быстро отменил эти решения. По мнению ростовской исследовательницы Т. Власкиной, это не привело к отмене самих репрессивных санкций. Товарно-продовольственная блокада 16 сельсоветов Еланского, Клетского, Котельниковского, Нехаевского, Нижнечирского, Урюпинского районов, установленная местной властью, продолжалась с 10 ноября 1932 до середины лета 1933 г.²¹

Настоящие причины применения режима «черной доски» в упомянутых районах приведены в информации ОГПУ. Клетский, Нехаевский, Нижнечирский, Урюпинский (казацкие) районы считались «в прошлом базой белого движения в крае», а Малосердобинский и Самойловский – «районы с сильным влиянием эсеров»²². О «казацких районах», которые в первую очередь подлежали репрессиям, писал Сталину первый секретарь Нижне-Волжского крайкома В. Пту-

¹⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 340–345. Опубл.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 427.

²⁰ ЦДНИ Саратовской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 327. Л. 35. Опубл.: Голод в СССР. Т. 2. С. 272.

²¹ Власкина Т. Ю. Голод на Дону по устным свидетельствам // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг. Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2009. С. 157–158.

²² ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 370–372. Опубл.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 605–606; Голод в СССР. Т. 2. С. 276–277.

ха²³. Другими словами, коллективное наказание «черной доской» осуществлялось не столько за реальное отставание в хлебозаготовках или осеннем севе, а преимущественно как месть за политическое прошлое.

Старт широкому применению режима «черной доски» в Казахстане (тогда Казахская Автономная социалистическая советская республика РСФСР), как и повсеместно, был дан ноябрьской директивой И. Сталина. К сожалению, пока опубликовано очень мало архивных документов о голоде 1932–1933 гг. на территории современной Казахской Республики. Потому приходится буквально вылавливать упоминания о принятии краевой властью соответствующих решений. Из шифротелеграммы второго секретаря Казкрайкома ВКП(б) М. Хахиани на имя Сталина узнаем о принятии краевым партийным органом 10 или 11 ноября 1932 г. решения и директивы всем обкомам по вопросам хлебозаготовки. Этот важнейший документ отсутствует в академических публикациях о голоде в СССР, хотя его принципиальное значение для раскрытия темы голодомора в Казахстане очевидно. Сам Хахиани назвал его решением о распространении репрессивных мер, аналогичных кубанским, «на некоторые районы и колхозы в районах Казахстана». Следовательно, речь шла главным образом о применении в Казахстане режима «черной доски». Количественные параметры этого процесса Хахиани оценил так: «19 районов и колхозы в 16 других районах». Конкретно были названы Джамбейтинский район Западно-Казахстанской области, колхозы Казалинского, Кармакчинского, Кызыл-Ордынского районов Южно-Казахстанской области, Катон-Карагайского района Восточно-Казахстанской области²⁴.

Декабрьские сводки секретно-политического отдела ОГПУ СССР подавали такие сведения о Казахстане: «Казкрайком ВКП(б) 10 ноября вынес решение, аналогичное постановлению Северо-Кавказского крайкома, о бойкотировании отстающих по заготовкам 31 районов, занесении их на черную доску, лишении кредитов, промтоваров, закрытии колхозной торговли и т. д.»²⁵ Данные, приводимые чекистами, позволяют реконструировать, по крайней мере, часть занесенных на «черную доску» районов. Это Абралинский, Акмолинский, Алма-Атинский, Джувалинский, Казалинский, Кара-Балыкский, Кызыл-Ордынский, Кокпектинский, Усть-Каменогорский, Федоровскому,

²³ Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 85. Л. 56–57. Оpubл.: Голод в СССР. Т. 2. С. 274.

²⁴ Там же. Д. 83. Л. 139–139 об. Оpubл.: Голод в СССР. Т. 2. С. 219.

²⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 295–298. Оpubл.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 564–566; Голод в СССР. Т. 2. С. 245–247.

Чуйский, Янги-Курганский районы. Тут представлены юг и север Казахстана, современная территория Киргизии и Узбекистана.

«Черные доски» Казахстана являются практически единственным случаем, когда И. Сталин не только письменно одобрил применение таких репрессивных санкций, но и оправдал их. В письме Казкрайкому генсек ВКП(б) писал: «Оценка Кахиани при других условиях была бы правильна, а при данных условиях совершенно неправильна. Тов. Кахиани не учитывает, что за последние пятидневки хлебозаготовки в Казахстане падают скачками и ведут к фактическому прекращению заготовок, и это несмотря на то, что план заготовок максимально сокращен, а долг по плану заготовок превышает 10 млн пудов. При таких условиях задача состоит в том, чтобы ударить в первую очередь по коммунистам в районах и ниже районов, находящимся целиком в плену мелкобуржуазной стихии и скатившимся на рельсы кулацкого саботажа хлебозаготовок. Понятно, что в этих условиях СНК и крайком не могли поступить иначе как перейти на рельсы репрессий, хотя, конечно, дело репрессиями не может ограничиться, т. к. необходима предельно широкая и систематическая разъяснительная работа»²⁶.

Существует мнение, что в Северном Казахстане репрессии «черной доски» были направлены в первую очередь против проживавших тут этнических украинцев. Украинский историк В. Сергийчук однозначно утверждает: «Те села Усть-Каменогорского или Федоровского районов, которых это касалось, оказались в основном украинскими, поскольку именно украинцы были основными производителями хлеба. Скажем, по переписи 1926 г. в Федоровском районе насчитывалось 28 302 жителя, из которых 25 408 были украинцами»²⁷. Однако верно и другое – самой большой этнической группой Казахстана, пострадавшей от применения «черной доски», были, безусловно, казахи. Реквизиция скота и лишение продовольственного снабжения поставили их на грань физического выживания.

Есть информация о существовании «черных досок» также и Дальневосточном крае. ОГПУ сообщало, что в декабре 1932 г. такие репрессии применялись к восьми селам Александровского, Черниговского, Ханкайского районов. Отмечалось применение к ним мер экономического давления, специальных бригад, которые конфисковывали продовольствие. Вместе с тем массовые штрафы крестьян-

²⁶ Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 83. Л. 137. Оpubл.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 548–549; Голод в СССР. Т. 2. С. 220–221.

²⁷ Сергийчук В. Чому вони не хочуть нас бачити, або історія на службі в імперській політиці // Пам'ять народу: геноцид в Україні голодом 1932–1933 років. Свідчення. Кн. 2. Київ: Вид. «Калита», 2009. С. 529.

средняков в пятикратном размере рыночной стоимости припрятанного хлеба было названо «перегибами»²⁸.

Обобщая приведенные сведения, приходим к выводу о том, что режим «черной доски» в СССР, примененный по решению наивысшего компартийного органа, повсеместно имел как «политическое», так и «национальное лицо». Основными его жертвами становились «контрреволюционные», «антисоветские» колхозы, села, районы. Следующим определяющим фактором стал национальный (этносоциальный) состав населения таких объектов репрессий. Большевистский террор в первую очередь направлялся на украинские села, казахские аулы, казацкие станицы. В УССР картина осложнялась такими обстоятельствами, как чрезвычайно широкие масштабы применения режима «черной доски», жестокость санкций, направленность их против всего населения этой республики. Наконец, имеется неопровержимый факт провозглашения «промышленного бойкота» всей Украины по решению ЦК ВКП(б) от 8 ноября 1932 г.²⁹, хотя текст этой директивы до сих пор еще не опубликован.

²⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 1310. Л. 1–4. Опул.: Голод в СССР. Т. 2. С. 339.

²⁹ См.: Марочко В. І., Мовчан О. М. Голодомор 1932–1933 років в Україні: Хроніка. Київ: ВД «Києво-Могилянська академія», 2008. С. 152.